

15. Томилов Н.А. Новосибирский областной краеведческий музей (Краткий исторический очерк) // Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея. Новосибирск, 1996. С. 6–48.

16. См., напр.: Орлова Е.Н. Особенная жизнь: Заполярный быт 1920–1921 гг. // Сибирские огни. 1925. № 2. С. 223–253.

17. См.: Томилов Н.А. Новосибирский областной краеведческий музей... С. 16–18, 44.

18. Ларичев В. Сорок лет среди сибирских древностей: Материалы к биографии академика А.П. Окладникова. Новосибирск: Западно-Сибирск. кн. изд-во, 1970. С. 29.

19. Научный архив Сибирского отделения РАН. Ф. 58. Оп. Зв. Д. 19. Л. 13; Оп. 1 Д. 671. Л. 1–2.

20. Там же. Оп. 1. Д. 125. Л. 8.

21. О жизни и деятельности А.П. Деревянко см.: Молодин В.И., Покровский Н.Н., Бойко В.И., Ламин В.А., Ромодановская Е.К., Бауло А.В., Игуньков М.В., Курбатов А.И., Коровушкин Д.Г., Анатолий Пантелеевич Деревянко (К 60-летию со дня рождения) // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 2. С. 5–10.

Д.Д. Тумаркин

ПОИСК ЖИЗНЕННОГО ПУТИ: НИКОЛАЙ МИКЛУХА В ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОМ И ЛЕЙПЦИГСКОМ УНИВЕРСИТЕТАХ

*Нестору русской этнографии
Александрю Михайловичу Решетову
посвящаю*

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект
055–01–01 077а.

Не окончив гимназии, Николай Миклуха (такую фамилию носил тогда будущий ученый, как и его дед, отец и ближайшие родственники) в сентябре 1863 г. поступил вольнослушателем на отделение естественных наук физико-математического факультета Петербургского университета. Юноша сразу же окунулся в студенческую среду с ее высокими порывами и повседневными заботами. «Он усердно занялся естественными науками и даже с товарищем намеревался издавать записки», — сообщает его младший брат Михаил¹. Но его планам осуществиться не удалось. В феврале 1864 г. Николай был изгнан из университета — формально за нарушения правил пребывания в здании университета, фактически за участие в студенческом движении. Вызванный в полицию, он вынужден был дать подписку в том, что не станет более являться в университет «к слушанию лекций»².

Юноша оказался на распутье. Как характерного представителя русской демократической молодежи 1860-х годов, находившегося под сильным влиянием идей Н.Г. Чернышевского, близко знакомого со студентами-агитаторами и бунтарями, Николая нетрудно вообразить и участником нарождавшегося «хождения в народ», и членом подпольной революционной организации. Но если такие планы и приходили на ум Миклухе, он во всяком случае хотел совместить их с получением высшего образования. Для этого необходимо было засесть за учебники, сдать экстерном экзамен на аттестат зрелости и поступить в одно из высших учебных заведений, но не в Петербургский университет, куда путь ему был заказан на ближайшие годы. Николай не был уверен, что ему удастся без затруднений стать студентом, ибо бывший вольнослушатель, как теперь говорят, «засветился» в полиции. Возможно, эти опасения к концу жизни ученого трансформировались в его предсмертной автобиографии в необоснованное утверждение, будто он был «исключен <...> без права поступления в русские университеты»³.

Тут подоспело письмо бывшего воспитателя в семье Миклух В.В. Миклашевского, который после окончания юридического факультета Петербургского университета уехал в Гейдельберг, чтобы подготовиться там к преподавательской деятельности в области юриспруденции. Узнав о крупной неприятности, постигшей Николая, он рекомендовал своему воспитаннику поступить в Гейдельбергский университет, где, как и в других немецких университетах⁴, российским подданным тогда не требовалось предъявлять никаких документов об образовании. Ввиду того что Николай интересовался экономическими и политическими теориями и участвовал в студенческом движении, Миклашевский посоветовал ему сосредоточиться на общественных науках; если же увлеченность юноши естественными науками окажется непреодолимой, — что ж, в Гейдельберге существуют прекрасные возможности и для изучения естественных наук⁵. После некоторых размышлений Екатерина Семеновна Миклуха, мать Николая, согласилась с доводами Миклашевского и, несмотря на трудное материальное положение семьи, поддержала появившееся у сына желание отправиться для учебы в Германию. Но как получить заграничный паспорт? В связи с восстанием в Польше власти ввели жесткие ограничения на выезд за границу, особенно для молодежи. Однако вышло по пословице: не бывать бы счастьем, да несчастье помогло.

Как вспоминает Михаил, брат ходил тогда в одеянии, популярном у неимущего студенчества, — рубашке-косоворотке, шароварах и полушубке. В таком наряде он пришел на французскую оперу, которая давалась в Михайловском театре, разумеется, на галерку. В жаркой и душной атмосфере галерки Николай, не снявший полу-

шубка, изрядно вспотел, а после спектакля, выйдя во влажной одежде на улицу (дело было в феврале!), продрог, простудился и заболел воспалением легких, осложнившимся плевритом⁶. Семейный врач Миклух П.И. Боков — друг и соратник Н.Г. Чернышевского — сумел вылечить молодого человека. Но организм Николая серьезно ослабел, в его легких и плевре сохранились остаточные очаги болезни. На этом основании Екатерина Семеновна обратилась к петербургскому генерал-губернатору с просьбой выдать сыну заграничный паспорт для лечения на немецких курортах. После освидетельствования в полицейском управлении комиссией из девяти врачей, признавшей обоснованным прошение Е.С. Миклухи, Николай получил нужный паспорт⁷. 9 (21) апреля 1864 г. он выехал поездом в Германию⁸.

Гейдельберг встретил Николая Миклуху в белом наряде — цвели яблоневые и вишневые сады. Расположенный в юго-западной части Германии, там, где река Неккар выходит из горного района Оденвальд на верхнерейнскую равнину, Гейдельберг поразил юношу своей удивительной живописностью. Над городом доминировал полуразрушенный средневековый замок, окруженный огромным парком. Узкие улочки, застроенные старинными домами, утопающими в зелени садов, вели к главному зданию университета. В начале 1860-х годов в Гейдельберге насчитывалось около 15 тысяч жителей, из которых более 3 тысяч учились или преподавали в университете. В городе постоянно находились 400–500 иностранцев, преимущественно студентов⁹.

Гейдельберг вначале показался Николаю островком тишины и спокойствия с простыми и добросердечными обитателями. Но первое впечатление оказалось не совсем правильным: и здесь велись жаркие споры. Германия была тогда раздроблена на множество государств — королевств, княжеств, герцогств, «вольных городов». «Немцы, стар и млад, богатый и бедный, в университетской аудитории и за кружкой пива думали одну крепкую думу о единой Германии <...>, — вспоминает Григорий Де-Воллан, который учился в Гейдельберге вместе с Николаем Миклухой, а впоследствии стал путешественником, публицистом и дипломатом. — Объединительное движение носилось в воздухе как идея, готовая воплотиться в реальную жизнь. Читались публичные лекции в пользу общегерманского флота»¹⁰. Но как произойдет объединение Германии, на каких основах должно быть создано общегерманское государство? Оживленные дискуссии по этим вопросам происходили в Гейдельберге в студенческих «кнайпах» (пивных), квартирах профессоров и почтенных бюргеров. Не всех немцев, особенно в маленьких южно-германских государствах, включая великое герцогство Баденское, где находился Гейдельберг, радовала перспектива создания новой Германской империи под верховенством милитаристской, юнкерской

Пруссии, программа объединения «железом и кровью», которую провозгласил Отто фон Бисмарк, возглавивший в сентябре 1862 г. прусское правительство. Между тем уже в 1864 г. фактически началось выполнение этой программы: в результате войны с Данией к Пруссии отошло герцогство Шлезвиг, расположенное на стыке Балтийского и Северного морей.

Но гораздо более жаркие и эмоциональные споры происходили среди русских, поселившихся в Гейдельберге. В те годы и на променадных аллеях, и на табльдотах в гостиницах, и среди руин пфальцграфского замка, да и просто на улице частенько звучала русская речь. В городе жили несколько помещичьих семейств с чадами и домочадцами. Приезжали и уезжали путешественники-любители, которых россияне начали тогда на французский лад называть туристами. Но подавляющее большинство среди русских гейдельбержцев составляла учащаяся (и не учащаяся) молодежь.

Уже в 1859–1860 гг. здесь совершенствовали свои познания молодые выдающиеся ученые из России — Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, С.П. Боткин, А.О. Ковалевский и др. Но наплыв русских студентов пришелся на 1861–1862 гг. «Первые грандиозные студенческие беспорядки 1861 г. имели следствием изгнание из университетов сотен студентов, — писал известный историк и публицист-эсер С.Г. Сватиков, специально изучавший историю русского студенчества в Гейдельберге. — Молодежь, прошедшая через тюрьму, изгнанная из университетов, бросилась за границу. Гейдельберг стал “научной Меккой” и первым заграничным центром, где русская молодежь свободно знакомилась с произведениями Герцена, Огарева, Бакунина и органами вольной русской прессы»¹¹.

В русском студенческом землячестве в Гейдельберге, насчитывавшем около 130 человек, как в микрокосме отражались взгляды и настроения политически активной части российского (преимущественно петербургского и московского) студенчества. Местом сбора для этих студентов стала русская читальня, открывшаяся в октябре 1862 г. в двух задних комнатах кондитерской фрау Гельверт. Здесь к услугам читателей за скромную помесечную плату были произведения А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева и других кумиров тогдашней молодежи, широко представлены были «Колокол» и иная русская бесцензурная периодика, печатавшаяся за рубежом; сюда поступали также газеты и журналы из России, ведущие немецкие и французские издания. Читальня быстро превратилась в политический клуб, который, как вспоминает студент-гейдельбержец Ю.С. Кашкин, стал «постоянной ареной для тех бесконечных русских споров, в которых в конце концов каждый из споривших забывает самый предмет и суть темы и цепляется только за последние слова противника»¹².

Пока, по словам одного из участников событий, спорили в основном «о разных возвышенных предметах, оставаясь более в области различных философских систем и теорий», мир в землячестве внешне удавалось сохранить¹³. Но когда в январе 1863 г. началось «повстанье» в Польше, русские студенты в Гейдельберге раскололись на два лагеря, как это произошло в Петербургском и Московском университетах. «Герценисты», вспоминает их лидер Е.В. Де-Роберти (впоследствии либеральный общественный деятель и философ-позитивист), связывая «успех дела русской свободы с делом польского восстания», приступили к сбору средств для раненых поляков, а один из студентов-медиков поехал помогать повстанцам¹⁴. «Катковисты» объявили в ответ подписку в пользу раненых русских солдат и громко требовали вооруженного подавления мятежа. Начались шумные многочасовые сходы, на которых звучали яростные обвинения и контробвинения. Дело дошло до вызовов на дуэль, причем не на рапирах, что допускалось немецким студенческим обычаем, а на пистолетах, что было категорически запрещено. Вмешалось университетское начальство, которое посадило в карцер, а затем удалило из Гейдельберга трех возмутителей спокойствия. Эта полицейская мера способствовала «восстановлению мира и приличных дипломатических сношений» в студенческом землячестве¹⁵, уцелела и общая читальня¹⁶. Однако сохранились две группировки, которые автор корреспонденции в петербургский журнал «Библиотека для чтения» охарактеризовал на эзоповом языке, понятном читателям, как «с одной стороны — людей, отрекающихся мало-помалу от прежних кумиров и стоящих на почве действительности, с другой — сторонников отвлеченной западной теории, подгоняемой под русскую мерку»¹⁷.

Такова была обстановка, когда в Гейдельберг прибыл 18-летний Николай Миклуха. Разумеется, он принял сторону «герценистов» и включился в споры, которые велись как в читальне, так и в жилых помещениях, которые снимали студенты. «Мы все были охотники до споров <...>, — вспоминает Григорий Де-Воллан, почти одновременно с ним приехавший в Гейдельберг. — Каждый из нас, так сказать, на свободе не признавал никакой нормы, желая облагодетельствовать не только всю Россию, но и целый мир»¹⁸. Михаил в подготовительных материалах к биографии брата приводит отрывок из недатированного письма Де-Воллана Николаю: «Я еще не забыл наших бесед в вашей комнате, где каждый из нас опровергал и признавал. Вы опровергали чувства, злость и т.д., но признавали трихину [круглый червь, паразитирующий в теле некоторых животных и человека. — Д.Т.] и другое. Мне очень приятно воспоминание о Гейдельберге»¹⁹. Комментируя это письмо, Михаил полагает, что брат разделял некоторые взгляды студента-нигилиста Базарова — одно-

го из персонажей романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», оживленно обсуждавшегося и осуждавшегося тогда русскими студентами-гейдельбергцами²⁰.

До начала восстания в Польше в Гейдельберге училось немало поляков, примыкавших к русскому студенческому землячеству. Большинство из них отправилось на родину, чтобы принять участие в вооруженной борьбе. Вместо них по мере подавления восстания в Гейдельберг стали прибывать польские эмигранты, преимущественно молодежь. Желая обеспечить благосклонное отношение или хотя бы нейтралитет России в вопросе объединения Германии, Бисмарк заключил с царским правительством конвенцию о совместном подавлении восстания в Польше и приказал не допускать на территорию Пруссии польских инсургентов. Поэтому поток польских эмигрантов устремился в южно-германские государства, включая великое герцогство Баденское, где власти с большей симпатией относились к повстанцам.

Валентин Валентинович Миклашевский (теперь он предпочел именоваться Валентием Валентьевичем Мьклашевским) по приезде Николая в Гейдельберг познакомил его с некоторыми польскими эмигрантами и попросил оказывать им посильную помощь. Вскоре, защитив докторскую диссертацию, Миклашевский уехал в покоренную Варшаву, надеясь получить кафедру на юридическом факультете местного университета, а Николая фактически сделал своим «почтовым ящиком», пересылая через него письма и деньги полякам, поселившимся в Гейдельберге²¹. «По некоторым письмам я могу заключить, — писал Михаил, — что квартира Н[иколая] Н[иколаевича] представляла как бы центр сборищ для эмигрантов»²². Юный Миклуха, и ранее сочувствовавший польскому освободительному движению, горячо проникся идеями и помыслами эмигрантов и даже решил изучить польский язык. Однако Екатерина Семеновна — полька по матери — при всей ее полонофилии выступила против этой затеи. «Ты пишешь, что берешь уроки польского языка, — говорилось в ее письме, скопированном Михаилом. — Да зачем тебе этот язык, лучше английский <...> а польский все равно ты не будешь хорошо знать»²³. Мать мечтала, чтобы сын по примеру отца стал инженером, а потому неоднократно призывала его изучать прежде всего математику²⁴.

Вовлеченность Николая в общественную жизнь русского студенческого землячества и в дела польской эмиграции не способствовала углубленным занятиям в университете. Между тем в Гейдельберге — старейшем немецком университете, основанном в 1386 г., — собралось поистине созвездие выдающихся ученых: физик и физиолог Х.Л. Гельмгольц, химик Р.В. Бунзен и Г.Р. Кирхгоф, историк Л. Гейссер, специалист по государственному и международному праву И.К. Блончли, криминалист К. Миттермайер и др. Поступив на

философский факультет, Николай в летний семестр 1864 г. записался по настоянию матери на курсы лекций по геометрии и тригонометрии. Но одновременно с изучением постылой математики он, как свидетельствуют сохранившиеся документы, прослушал лекционные курсы по политической экономии, новейшей истории, истории современного государства и права²⁵. Такой набор курсов вызвал упреки со стороны матери. «Ты слушаешь много побочных предметов, которые берут у тебя много времени, — писала она сыну в сентябре 1864 г., — но не знаю, принесут ли тебе когда-нибудь существенную пользу»²⁶. А через два месяца Екатерина Семеновна высказалась еще определеннее: «К чему тебе политическая экономия, это не занятие <...> Я желала бы видеть тебя дельным человеком, а не любителем просвещения»²⁷.

Миклуха жил в Гейдельберге в крайне стесненных материальных условиях. Присылаемых из дому денег едва хватало на взнос платы за обучение, скудное пропитание и оплату жилья. Одежда, привезенная из Петербурга, изрядно обветшала. «С тех пор как я за границую, я решительно ничего не покупал, не делал относительно моего гардероба <...>, — писал он матери в сентябре 1864 г. — Мой черный сюртук почти совсем разлезается; оказывается, что, зашивая какую-нибудь дыру, нитка крепче сукна, и зашивать — это увеличивать дыру»²⁸. Михаил Люце, гейдельбергский сотоварищ Миклухи, ставший впоследствии крупным государственным чиновником, вспоминает, что будущий путешественник «очень нуждался». «Узнав как-то, что одно яйцо равняется по своей питательности одному фунту мяса, — утверждает Люце, — он одно время питался одним яйцом в день»²⁹.

Николай скучал по родным, по Петербургу и очень хотел съездить домой на каникулы. Но мать предупредила, что, если он появится в Петербурге, его «очень легко могут вместо Гейдельберга послать в Вятку»³⁰, т.е. отправить в ссылку. Такого же мнения придерживался его гимназический друг Василий Суфцинский. Он задал вопрос, стоит ли променять возможность получить за границей хорошее образование на месячное свидание. «Хорош промен, нечего сказать», — писал он Николаю³¹.

Вместо поездки домой Миклуха отправился в экскурсию по горам и долинам Шварцвальда, чтобы, как он писал, «немного поправить глаза и грудь, особенно глаза, которые в последнее время моего пребывания в Гейдельберге довольно сильно болели»³². Николай исходил почти весь южный Шварцвальд, поднимался на наиболее высокие горы. «Чуть было не забрался в Швейцарию, — сообщал он, — но побоялся дороговизны и вернулся»³³.

У нас нет точных сведений, на какие лекционные курсы записался Николай Миклуха в зимнем семестре 1864–1865 гг. Но из его

предсмертной автобиографии как будто следует, что он изучал тогда в Гейдельберге физику, химию, геологию, философию, уголовное и гражданское право³⁴. Это означает, что юноша все еще колебался в выборе своего жизненного пути и пытался сочетать выполнение настоячивых пожеланий матери с изучением общественных наук, на время приглушивших его увлечение естествознанием.

Записи лекций, которые он вел в Гейдельберге, и выписки из прочитанных книг свидетельствуют о том, что Николая тогда интересовали идеи социалистов-утопистов, особенно Р. Оуэна и А. Сен-Симона³⁵. Но властителем его дум, по-видимому, оставался Н.Г. Чернышевский. Роман «Что делать?», привезенный им из Петербурга, был в те годы его настольной книгой. Примечательно также, что Николай попросил мать прислать ему труд Дж. Ст. Милля «Основания политической экономии», изданный на русском языке в вольном переводе, с предисловием, обширными дополнениями и примечаниями Чернышевского³⁶. В этих текстах содержались важные соображения по политической экономии, философии и некоторым естественным наукам, а также по расовой проблематике.

Летом 1864 г. Николай узнал из письма матери о гражданской казни Чернышевского и его отправке на каторгу в Сибирь. Это известие потрясло впечатлительного юношу. Он попросил прислать ему портрет Чернышевского, срисовал его и, хотя сам испытывал материальные лишения на чужбине, пытался помочь деньгами своему кумиру³⁷.

Между тем в русском студенческом землячестве в Гейдельберге не осталось незамеченным изменение обстановки в России. Расправа над Чернышевским и его ближайшими соратниками, постепенное успокоение в деревне, упадок студенческого движения свидетельствовали об относительной стабилизации режима, временном спаде революционной борьбы. После отмены крепостного права правительство Александра II продолжало, пусть медленно и непоследовательно, политику реформ (земская, судебная и др.), создававших предпосылки для модернизации страны. Крах романтических надежд на скорую народную революцию стал очевиден.

Многие русские студенты-гейдельбержцы, переболев юношеской болезнью революционности, вернулись на родину, где завершили университетское образование и, превратившись в умеренных либералов, поступили на государственную службу. Со временем некоторые из них достигли высоких должностей и чинов (заместители министров, сенаторы, попечители учебных округов, ректоры и проректоры университетов и т.д.), но и эти сановники не без сентиментальности вспоминали о своих «юношеских безумствах» в Гейдельберге.

Шовинистические настроения и полицейские порядки начали проникать из Пруссии в великое герцогство Баденское еще до объе-

динения Германии. Поэтому те русские студенты, кому опасно было тогда возвращаться в Россию и кто хотел не на словах, а на деле участвовать в революционной борьбе с самодержавием, покидали Гейдельберг и перебирались в Женеву, где постепенно складывался главный центр русской революционной эмиграции. В 1866 г. в Гейдельберге почти не осталось русских студентов.

Николай Миклуха, как мы уже знаем, в 1864–1865 гг. не смог приехать в Россию даже на каникулы. Он и далее остался за рубежом, но не как политический эмигрант, а для углубленного постижения наук. Дело в том, что перемены в России и фактический распад русского студенческого землячества в Гейдельберге оказали глубокое влияние на умонастроения Николая. Он решил прекратить активную политическую деятельность, посвятить себя отныне только науке.

Прослушав в Гейдельберге лекции по широкому спектру научных дисциплин, юноша принял решение вернуться к своей «первой любви» — к естествознанию, культ которого еще более окреп в России к середине 60-х годов³⁸. Prestиж естественных наук был тогда очень высок и в Западной Европе, особенно в Германии, так как передовые круги в этих странах, подобно русским революционным демократам, видели в успехах естествознания необходимую предпосылку для преобразования человеческого общества. Миклуха разделял эти воззрения. Решив стать натуралистом, он не отказался от общественной деятельности, а лишь избрал такую ее форму, какую считал для себя подходящей в тогдашних условиях. Позднее это свое кредо Николай выразил в афористической форме: «Единственная цель моей жизни — польза и успех науки и благо человечества»³⁹.

Ввиду продолжающихся уговоров матери, которая желала, чтобы сын получил за границей приносящую материальный достаток специальность, предпочтительно в области «механики», Николай не сразу осуществил свое намерение. Летний семестр 1865 г. он провел в Лейпциге, где — вопреки сведениям, содержащимся в его предсмертной автобиографии, на которой основываются его биографы, — поступил не на медицинский, а на камеральный факультет. Такие факультеты, существовавшие в XIX в. в некоторых немецких университетах, готовили специалистов для работы в органах управления, сельском хозяйстве, лесоводстве, горной промышленности, торговле и т.п. Проведя разыскания в архиве Лейпцигского университета, автор этих строк обнаружил материалы о том, что «Николай Миклухо» (так он обозначен во всех документах) был зачислен 19 апреля 1865 г. на камеральный факультет⁴⁰. Здесь он оплатил и прослушал четыре курса лекций: «1. Физическая география (проф., д-р Науманн). 2. Теория национальной эко-

номии, сравнительная статистика и государственное устройство Германии (проф., д-р Рошер). 3. История греческой философии (проф., д-р Зайдель). 4. Учение о костях и сухожилиях (проф., д-р Вебер)»⁴¹. Перечисляя в автобиографии «профессоров других факультетов», лекции которых он слушал в Лейпциге, тяжело больной ученый называет еще Хефтора (А.В. Хеффтер) — специалиста по гражданскому праву⁴². Поначалу создается впечатление, что Николай, поступив по желанию матери на «прикладной» факультет, продолжал расширять свой кругозор и «зондировать» разные науки. Но привлекает внимание курс «Учение о костях и сухожилиях». Он прослушал его неслучайно. Похоже, уже тогда юноша обдумывал возможность получить медицинское образование, которое давало «надежную» профессию и в то же время открывало путь к изучению большого цикла естественных наук.

Впрочем, Николай недолго пробыл в Лейпциге. В октябре 1865 г. он перебрался, по его собственным словам, «из шумного Лейпцига в маленькую Йену, лежащую тогда еще в стороне от железных дорог»⁴³. Но не только тишиной и спокойствием, да к тому же дешевизной сравнительно с Лейпцигом привлекла Йена будущего ученого: местный университет стал центром пропаганды и развития дарвиновской теории, и туда потянулась молодежь, желающая приобщиться к учению, которое бросило вызов господствующему мировоззрению.

Поступив на медицинский факультет Йенского университета, Николай за три года прослушал основные курсы, предназначенные для будущих врачей, проходил и соответствующие практикумы, в том числе в местной больнице. Однако молодого человека мало интересовала практическая медицина. Его основными учителями стали профессор сравнительной анатомии К. Гегенбаур и особенно профессор зоологии Э. Геккель — выдающийся биолог и оригинальный мыслитель, один из виднейших последователей Дарвина, смело провозгласивший идею происхождения человека от обезьяны. В 1866 г. Геккель взял русского студента с собой в экспедицию на Канарские острова для изучения морской фауны. Возвращаясь в Европу через Марокко, Николай впервые заинтересовался образом жизни и культурой неевропейских народов. В 1867 г. вышла из печати его первая научная работа по зоологии. Статья была подписана двойной фамилией — Миклухо-Маклай, которой с этого времени начал пользоваться Николай⁴⁴. Под этой фамилией он вошел в историю мировой науки, особенно антропологии и этнографии. Но рассказ о пребывании Николая в Йене, его превращении в Миклухо-Маклая выходит за рамки нашего маленького историко-биографического исследования.

1. Архив Русского географического общества (далее — АРГО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 3. Л. 14, 402.
2. См. подробнее: *Комиссаров Б.Н.* Ранние годы Н.Н. Миклухо-Маклая (К истории первого петербургского периода жизни) // СЭ. 1983. № 1. С. 135–137.
3. Николай Николаевич Миклухо-Маклай [автобиография] // *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений: В 6 т. (далее — СС). М., 1996. Т. 5. С. 568. Версию о «волчьем билете», якобы полученном будущим путешественником, приняли на веру почти все биографы Миклухо-Маклая. И хотя Д.Н. Анучин в 1923 г. поставил под сомнение это утверждение, а Б.Н. Комиссаров в 1983 г. убедительно доказал его несостоятельность, версия, обнародованная тяжело больным Миклухо-Маклаем, продолжила жизнь на страницах некоторых научных публикаций. См.: *Анучин Д.Н.* Н.Н. Миклухо-Маклай, его жизнь и путешествия // Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. М., 1923. С. 24; *Комиссаров Б.Н.* Ранние годы... С. 135.
4. См. об этом: *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX — начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 356.
5. Само письмо В.В. Миклашевского обнаружить не удалось. Я излагаю его содержание по краткому пересказу, который содержится в подготовительных материалах к биографии ученого, задуманной его братом Михаилом (АРГО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 3. Л. 14, 406). К сожалению, этот замысел не был осуществлен.
6. Там же. Л. 403.
7. Там же. Л. 383, 403. О том, что П.И. Боков был семейным врачом Миклух, мы узнаем из недатированного письма Екатерины Семеновны Николаю. См.: С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — ПФ АРАН). Ф. 143. Оп. 1. Д. 40. Л. 119.
8. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 52. Л. 32.
9. *Кошкин Ю.* В Гейдельбергском университете // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 45.
10. *Де-Воллан Г.А.* Воспоминания о Гейдельберге // Гейдельбергский сборник (История одного несостоявшегося издания) / Под ред. В. Биркенмайера и М.Ш. Файнштейна. Гейдельберг, 1994. С. 47.
11. *Сватиков Г.* Русские студенты в Гейдельберге // Новый журнал для всех. 1912. № 12. С. 72.
12. Кашкин Ю. В Гейдельбергском университете. С. 44.
13. *Волзовский М.* Из Гейдельберга // Библиотека для чтения. 1864. № 4/5. С. 24.
14. *Де-Роберти Е.В.* Воспоминания // Гейдельбергский сборник. С. 31–32.
15. У. Из Гейдельберга // Библиотека для чтения. 1864. № 6. С. 19.
16. Молодой князь А.М. Мещерский, вскоре ставший лучшим другом Николая Миклухи, приехав в апреле 1864 г. учиться в Гейдельбергский университет, сразу написал матери о важной роли читальни в жизни русского студенческого землячества. См.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 329. Д. 46. Л. 39 об.–40. Об А.М. Мещерском см.: *Тумаркин Д.Д.* Материалы по отечественной истории и культуре XIX века в архивном фонде князя А.М. Мещерского // Отечественная история. 2006. № 1. С. 169–170.
17. *Волзовский М.* Из Гейдельберга. С. 24.

18. *Де-Воллан Е.А.* Воспоминания о Гейдельберге. С. 54–55.
19. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 52. Л. 31.
20. Там же. О непростых взаимоотношениях И.С.Тургенева с русскими студентами-гейдельбергцами и их изображении в романах «Отцы и дети» и «Дым» см.: *Сватиков Г.* Русские студенты в Гейдельберге. С. 74–75.
21. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 40. Л. 117–121.
22. АРГО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 3. Л. 14, 106.
23. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 52. Л. 39. Дата на копии отсутствует, но, судя по содержанию, письмо написано в мае или июне 1864 г.
24. Там же. Л. 33, 38.
25. АГО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 8. Л. 1–4; ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.
26. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 33. Л. 36.
27. Там же. Л. 38.
28. СС. Т. 5. С. 14.
29. Люде М.Ф. Воспоминания // Гейдельбергский сборник. С. 60.
30. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 52. Л. 38.
31. Там же. Л. 39.
32. СС. Т. 5. С. 13.
33. Там же.
34. См.: СС. Т. 6. Ч. 1. М., 1999. С. 568, 802.
35. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 2, 34.
36. СС. Т. 5. С. 12.
37. ПФ АРАН. Ф. 143. Оп. 1. Д. 52. Л. 34, 35, 39.
38. См.: *Эйгмонтова Р.Г.* Идеи просвещения в обновляющейся России (50–60-е годы XIX века). М., 1998. С. 90. В 1863–1865 гг. Д.И. Писарев, заключенный, подобно Чернышевскому, в Петропавловскую крепость, опубликовал в газете «Русское слово» несколько статей, в которых попытался наметить программу действий демократических сил в условиях спада революционной волны. Он считал тогда наиболее вероятным путь постепенных социальных изменений, для чего необходимо было, по его мнению, просвещение народа и развитие науки, особенно «спасительного естествознания». В середине 1860-х годов идеи Писарева пользовались большой популярностью в среде передовой русской интеллигенции, особенно у молодежи.
39. СС. Т. 5. С. 167.
40. Universitätsarchiv Leipzig (далее — UL). Matrikel der Universität 1864/65. Lfd. 45.
41. UL. Rep. I /XVI/C /VIII. № 26. Bd. 2. Lfd. 132.
42. СС. Т. 5. С. 568, 802.
43. СС. Т. 5. С. 568.
44. Существует несколько взаимоисключающих версий происхождения второй части фамилии Миклухо-Маклай, но ни одна из них не подкрепляется достоверными фактами. На наш взгляд, определенный интерес представляет гипотеза, предложенная Н.А. Бутиновым: Миклуха обнаружил на Канарских островах новый вид губок, назвал его *Guancha blanca* и по традиции добавил к этому названию сокращенную фамилию первооткрывателя (Mcl); из этих трех букв он составил себе новую фамилию (MacLay), которую присоединил к исконной. Н.А. Бутинов ошибочно считал, что это произошло после 1868 г. (*Бутинов Н.А.* Николай Миклуха и Эрнст Геккель // *Маклаевские чтения* (1998–2000). СПб., 2001. С. 5). Добавим, что Николай тяготился своей непрестижной казацкой фамилией и худородством своей семьи, с

трудом добившейся, как показывают документы, причисления к потомственному дворянству. Двойные же фамилии типа Миклухо-Маклай были характерны для многих известных польско-украинских дворянских родов (Грум-Гржимайло, Доливо-Добровольский и др.). В дальнейшем, став видным путешественником и исследователем, Николай в Западной Европе, преимущественно в Великобритании и Франции, а также в голландских и английских колониях, включая Австралию, именовал себя только Маклаем, намекая на свои якобы шотландские корни.

Д.Н. Худоназаров

ГРАФ

Жил человек на Руси, был он добрым и трудолюбивым, каждое дело доводил до конца, старался, чтобы плод его труда был высокого качества. Он был очень образован, говорил на нескольких языках, любил путешествовать, изучать нравы и культуру других народов, особенно тех, кто сохранил пласты своей древней культуры и свою самобытность. Он писал о них книги с такой же любовью, как те, которые посвящал изучению русского народного искусства. Сравнивая одно с другим, он пытался восстановить потерянные страницы давней истории своего народа, соединить разрозненные осколки человеческого бытия на Земле. Книги эти, как и любой другой его труд, несли особый отпечаток добротности. Он был очень скромным человеком, во всем видел не себя, а дело и цель, которая его увлекала. Он был богатым и щедрым, помогал другим. А потом случилась революция, и он сразу, в одночасье, потерял все, и Родину тоже. На чужбине продолжал держать свечу русской культуры зажженной, продолжал помогать тем, кто нуждался. К концу жизни совсем обеднел, умер вдали от дома, от родной земли. Детей не оставил, их у него не было, архив его погиб или исчез. С его смертью пресеклась младшая ветвь рода, одной из самых известных семей России. Книги его в библиотеках на родине из-за полного совпадения фамилии и инициалов оказались в каталогах под именем его более прославившегося родственника. Шесть десятилетий спустя могила его стала бесхозной, потому что ушли из жизни те, кто помнил его, она оказалась ненужной, и на этом участке захоронили других. Вот и весь сказ о человеке. Нет могилы, нет потомков, нет архивных страниц, нет следа его созидательного труда, словно его и вовсе не было на этой Земле...

Его звали граф Алексей Алексеевич Бобринской, был он сыном Алексея Бобринского и Софьи Шереметевой, внуком Василия Бобринского и Софии Соковниной, правнуком Алексея Бобринского и